

Их легко узнать по стаканчику с кофе, самокату, кедам и набору претензий к жизни. Такие ранимые и вместе с тем такие агрессивные... Знакомьтесь: поколение, рожденное после 1989 года. То, что поколения отличаются одно от другого, знали еще древние вавилоняне. Но, пожалуй, впервые в истории эти отличия оказались так громадны, что антропологи не только в шутку поговаривают о появлении нового вида людей.

Поколение на горошине или «поколение снежинок» (snowflake generation).

Словарь Коллинза и Financial Times признали словом года в 2016-м.

Самые большие хороводы снежинок сейчас можно встретить в старших классах приличных школ и в университетских кампусах, хотя некоторые из этих созданий уже успели выпорхнуть в большой мир и наделать там немало шороху.

Кто такие снежинки?

Это люди, которые:

- горячо ненавидят насилие. По крайней мере, так им кажется (хотя об этом моменте мы потом поговорим подробнее)
- превыше всего ставят безопасность (в том числе эмоциональную)
- повышенно чувствительны, мнительны и впечатлительны
- не привычны ни к лишениям, ни к тяжелому труду, ни к грубому обращению
- болезненно реагируют на мнения, отличные от их собственных
- считают человеческую историю грязной чередой убийств, истязаний и прочих мерзостей, от которых надлежит полностью откреститься, в том числе с осторожностью относясь к любым текстам и правилам из проклятого прошлого — например, ко всей мировой литературе
- убеждены в собственной уникальности и высоко себя ценят
- обладают довольно ограниченной фантазией
- осуждая нетерпимость в других, сами являются образчиками безукоризненной нетерпимости к своим оппонентам
- при несовпадении своих представлений с реальной жизнью испытывают

серьезный стресс

- охотно говорят о своих самых интимных переживаниях
- обычно являются политкорректными левыми детоцентристами с феминистскими взглядами, часто вегетарианцы

Поколение на горошине: рожденные после 1989 года как новый вид людей

Считается, что термин «снежинка» взят из «Бойцовского клуба» Паланика: «Не думай, что ты уникальная и прекрасная снежинка!» Добавим: и хрупкая. Уязвимость снежинок перед отвратительной правдой жизни такова, что психотерапевты могут уже сейчас смело брать дворцы в ипотеку: взглянув в очередную гнусную харю бытия, снежинка упадет в депрессию быстрее, чем ты чихнешь.

Это именно снежинки рыдали — без шуток, на самом деле рыдали, со слезами, громко, открыв рты, — ночами в кампусах перед разбитыми телевизорами, по которым им сообщили ошеломляющую, невероятную, невозможную новость: президентом избран Трамп.

Если родители снежинок — левая социал-демократическая молодежь — находили азарт и чувствовали победу, отправляя на свалку истории очередной грязный женоненавистнический мультимедиа о Белоснежке и шовинистских гномах-мужланах, то снежинки выросли в общем-то в убеждении, что они уже победили. Что этот мир прекрасен, преисполнен фиалками и единорогами и что все прогрессивные люди планеты мыслят одинаково, практически извели грязных, воинствующих империалистических свиней и победили социальное и гендерное неравенство. В общем, давайте просто жить мирно и счастливо, не снимая велосипедных шлемов, чтобы головке не было больно, если случайно споткнешься!

Известный британский писатель-педагог Том Беннетт в 2016 году писал в The Telegraph: «Приходя в университеты, они уже пугаются, столкнувшись с тем, что мир отличен от их представлений, поэтому они ищут в лекториях защиты и безопасности, а не творчества и знаний».

Защита выглядит следующим образом: нужно всеми силами делать вид, что снежинок — большинство, все они мыслят в одном ключе, поэтому спорным или неприятным мнениям не место в аудитории.

Для лекторов, исповедующих правые, консервативные, милитаристские, сексистские либо колониалистические взгляды (или позволивших себе лет пять назад неудачно пошутить на одну из этих тем в «Твиттере»), доступ в университеты должен быть закрыт. С такими лекторами нужно разрывать контракты, не-угодных профессоров — выгонять с работы. Эта политика называется «no platforming» — не давать слово тем, с кем мы несогласны. Причем речь идет не о маргиналах, шарлатанах и людоедах. Нет,

студенты строят баррикады, не пропуская на занятия уважаемых светил, лучших спецов в своих областях. Они не хотят понимать этих людей, изучать их взгляды, спорить с ними, в конце концов: эти лекторы могут «принести им огорчения», а комфорт важнее знаний. Так не пропустили в здание Нью-Йоркского университета, например, экс-директора ЦРУ Дэвида Петреуса — это человека-то, имевшего доступ к самым волнительным загадкам политики!

Колледж Эвергрин (Вашингтон) был вынужден уволить (с извинениями и отступными) профессора антропологии Брета Уайнстоуна и его жену, тоже преподавателя. Сам Уайнстоун, что характерно, прогрессивно мыслящий демократ левее некуда. Но он имел несчастье выступить против задумки студентов провести «День без белых преподавателей», чтобы в этот день выступать и говорить могли только цветные учителя и ученики. Студенты хотели этим днем «подчеркнуть важную роль меньшинств», а Уайнстоун неосторожно выступил с обращением, в котором указывал, что принципы равенства и свободы слова плохо согласуются с такой акцией и что цвет кожи не должен мешать кому-то работать или учиться. Тут же он получил клеймо расиста, студенты потребовали его увольнения. А когда руководство колледжа отказалось это сделать, Уайнстоуна стали буквально преследовать: его запирали в аудитории, блокировали его машину, устраивали баррикады у дома, писали ему оскорбительные и угрожающие письма. В конце концов колледж признал, что «не может обеспечить безопасность сотрудника», и уволил профессора.

Впрочем, одним но-платформингом для не-угодных современников снежинки не ограничиваются. Рты затыкают и неугомонным мертвецам, пытающимся болтать из могилы. То, что из школ давно изымают неполиткорректные книжки, уже давно не новость, но в последние годы мода перекинулась и на университеты. Так, группа студентов славистики, объединившись с русскоязычными студентами, потребовала убрать из институтских программ по литературе Бунина*.

«Там много вообще кого убирают. Но про Бунина нам же будет интереснее, правда?»

Чем же провинился русский классик? А русский классик посмел описывать изнасилование девушек и писал все время какие-то гадости вроде «...лежала на нарах, вся сжавшись, уткнув голову в грудь, горячо наплакавшись от ужаса, восторга и внезапности того, что случилось» и «...она, рыдая, вдруг ответила ему женским бессознательным порывом — крепко и тоже будто благодарно обняла и прижала к себе его голову». Писатель, который считает, что женщина может испытывать во время изнасилования «восторг и благодарность», конечно, не имеет права омрачать своим существованием снежный мир. Там ничего не хотят знать про то, что Бунин вообще полагал, что в страхе, боли и суицидальности у человека есть и момент экстаза (вспомним, как застрелился герой «Митиной любви»: «...глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил»).

Нет, ну в самом деле, что лучше — знать Бунина или избежать нервного срыва? Снежинки твердо ставят на второе, и преподаватели идут им навстречу. Поэтому теперь профессора нередко пользуются правилом «предупреждения о триггерах». Вот,

например, в Оксфордском университете студентов-юристов уже только с триггер-предупреждениями и учат. Типа: «А сейчас будет описание одного очень неприятного дела с убиванием старушек, расизмом и гомофобией. Просьба к тем студентам, которые могут принять это близко к сердцу, покинуть аудиторию или включить музыку в наушниках».

Зачем миру нужны столь нежные юристы и как они потом будут функционировать в судебных залах? Этот вопрос перед профессурой не стоит, куда важнее избежать инцидентов и судебных исков со скандалами сейчас.

Тончайшая грань

Один из любимейших терминов снежинок — «обесценивание». Глубина и сила их ощущений важнее любого мнения, пусть даже экспертного, со стороны.

- О, как я страдаю! Меня укусил комар!
- Точно комар? Не медведь? Их легко перепутать...
- Не смейте шутить над моими страданиями! Не смейте обесценивать мои чувства!
- Ну давай протрем укус одеколоном.
- Не смейте давать мне советов, я их у вас не просил!
- Если тебе так уж больно, зачем терпеть, давай помажем.
- Не смейте обвинять жертву! Я не виновен в том, что стал жертвой насилия! Мои поступки нельзя осуждать, я жертва, я всегда прав!
- Да что же с тобой делать тогда?
- Понимать и сочувствовать!

Да, поколение, рожденное в диких семидесятых, не говоря уж о совсем пещерных временах, не может иногда понять, почему так ужасно, когда в кафе нет твоего любимого смузи. Оно не готово признавать жестокой травмой тот кошмарный факт, что снежинку насилием и манипуляциями в три года приучали к горшку, отняв родной памперс. Поколение семидесятых, ставшее родителями снежинок, с интересом выясняет, какими ужасными, лживыми, агрессивными и токсичными тварями они были, как искалечили они детское тело и душу.

Откуда снег?

Том Беннетт солидарен с большинством социо-психологов и педагогов: снежинки — это не результат работы гипноизлучателя, установленного инопланетянами на Луне, а вполне ожидаемый продукт новой педагогики. Снежинки выросли в основном в тех странах, где как раз в это время физические наказания детей стали считаться уголовным преступлением. Более того, ребенок в наше время вообще максимально защищен от любого дискомфорта и опасности. Дома с детьми переоборудуют в подобие резиновых камер для маленьких буйнопомешанных. При болезнях дитя сразу получает обезболивающее. Любые спортивные занятия производятся максимально мягко, с неременной защитой и медосмотрами. Интересы ребенка поставлены во главу угла: он царь, бог и повелитель в семье. Ему постоянно объясняют, что он самый умный, самый

красивый, самый любимый и достоин всего самого лучшего. Даже если он будет поступать плохо, мама с папой все равно будут его любить всегда-всегда: «безусловная любовь» и «безусловное принятие» — это альфа и омега современной родительской педагогики.

Вот, например, рассказ Носова «Огурцы» стал шоком и предметом горячего обсуждения на материнских русскоязычных форумах. Если кто забыл, то предыстория там такова: дети нарвали огурцов на колхозном поле и убежали от сторожа, дома мама в восторг не пришла и потребовала огурцы сторожу вернуть.

«Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:
— Не пойду я! У дедушки ружье. Он выстрелит и убьет меня.
— И пусть убьет! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор».

Эта драма вызвала живейших отклик в родительских сердцах.

«Ну вот нет ничего в жизни страшнее, чем предательство человека, которому доверяешь. Которого любишь. Для которого несешь эти проклятые огурцы, а получаешь с ноги в самое свое живое и беззащитное » (doc_namino).

«Маму хочется долго и мучительно убивать. Пока не прочувствует как следует, что натворила. А потом оставить с этим жить. Ребенка жалко до слез» (mara dh).

«А потом подобные Котьки вырастают и идут к психологам лечить свои детские травмы маминой нелюбви» (nadezhda_k).

Насилие даже в детской среде выжигается каленым железом. Ребенку не показывают мультиков, которые могут его напугать, а большинство родителей даже отказываются читать своим малышам старые добрые книжки, в которых то в зайчика стреляют, то медведю лапку отпиливают, то королю голову рубят. Предпочтение отдается современной детской литературе, в которой обидевшаяся на хозяйку зубная щетка чуть не упала со стола — и это самое напряженное из возможных происшествий. «Не думал, что я когда-нибудь это скажу, — говорит Том Беннет, — но дети перезащищены. Они живут в абсолютно безопасном пространстве и, попадая в колледж, требуют такой же защиты, к которой они привыкли с детского сада».

Дивный новый мир?

А может, и хорошо? Может, и правильно? Первое непорочное, доброе поколение изменит лицо Земли, насилие канет в Лету, жизнь потечет по новым законам... Ну, будут все сидеть на прозаке, но прозак лучше, чем «Першинг». Правда, есть на планете и другие культуры, где для снежинок условий пока нет. Но, может, общее смягчение нравов и туда как-нибудь доберется лет за двадцать? Увы, но приходится признать, что снежинки лишь на словах противники насилия. Да, вероятнее всего, они не будут защищать девушку при нападении хулиганов, а предпочтут разумно позвонить в полицию. Но приехавшей полиции они дадут карт-бланш на жесткое задержание

хулиганов и на сколь угодно длительные сроки для них.

Снежинки не отказываются от насилия, они просто делегируют его властям. Они легко бывают грубы, когда уверены в своей безопасности. Они способны, как мы видели на примере эвергринского профессора, на травлю и издевательства. Насилие, которое обеспечивает их защищенность, — это прекрасное, правильное насилие. Просто этим должен заниматься кто-то специально обученный, а им позвольте сидеть в своих велосипедных шлемах на детских сиденьях. Уж что-что, а свобода точно не является приоритетом в глазах снежинок: дети, которых до четырнадцати лет водили в школу за ручку и не оставляли одних, к ней не приучены. Более того, они ее боятся, особенно когда свободой пользуются те, с кем снежинки несогласны.

Худшее, что может позволить себе сейчас политик, актер, писатель, врач — это произнести что-то такое, что вызывает у снежинок страх. К примеру, сказать, что пассивное курение не причиняет никому вреда, а феминизм — довольно глупая штука... То есть пойти против той левой идеологии, которая господствует более полувека на европейских и американских кафедрах и которая стала катехизисом снежинок.

Когда снежинкам становится страшно, они объединяются и, не жалея энергии, устраивают метель виновнику их страха: судебные иски, разгромные статьи, тонны писем с оскорблениями, бойкотирование компании, не вышвырнувшей злодея на улицу. Сегодня снежинки, пожалуй, одна из самых мощных, мобильных и значимых диаспор в странах первого мира — сообщество, которое нельзя игнорировать. -

Текст: [Тата Олейник](#)